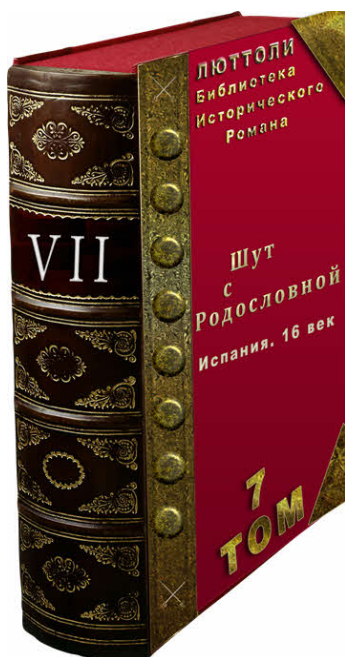

<https://www.litres.ru/luttoli/> - страница со всеми книгами писателя Люттоли

<https://www.luttoli/> - личный сайт писателя Люттоли.

<https://www.bormotulka.ru> – сценарный сайт писателя Люттоли

<https://t.me/luttoli> - Телеграм писателя Люттоли

<https://www.facebook.com/luttoli> - Facebook писателя Люттоли

<https://twitter.com/Luttoli> - Твиттер писателя Люттоли

<https://vk.com/lutoli> - Вконтакте писателя Люттоли

Для переводов писателю Люттоли

Номер банковской карты: **5486 7320 0090 8327**

Яндекс кошелёк: **41001851135760**

Текст авторский, как и во всех моих книгах. Без корректуры и редакторской обработки. Не выношу, когда с моим текстом работают посторонние люди.

Автор Люттоли. Авторские права Люттоли.

Шут с родословной

Глава 1

Испания. Вальядолид. Апрель 1603 год. Резиденция короля Испании Филиппа III.

Около полуночи 14 апреля 1603 года, в одном из коридоров королевского дворца появился мужчина лет пятидесяти или чуть больше. Это был человек среднего роста, среднего сложения с очень жёстким взглядом. При этом черты лица отражали определённое благородство, в особенности в сочетании с серебристыми усиками и короткой острой бородкой. В целом, он производил впечатление уверенного в себе человека, но не испанского гранда, коим он и являлся на самом деле. Облечение этого человека едва ли отличалась от одеяния, которое, в большинстве своём, носили все прочие дворяне Испании. А состояло оно из остроносых бархатных туфель без каблука, белого кальсеса или обтянутых вокруг ног штанов-Чулков, коротких, но широких штанов со складками, которые обычно надеваются поверх кальсеса и костюм – хубон, больше напоминающий доспехи, нежели изысканное одеяние вельможи коим он и являлся на самом деле.

Гофрированный белоснежный воротник, плотно облегающий шею и плащ «бозмио» накинутый и прикрепленный только к одному правому плечу, довершали наряд вельможи. Стоит ещё отметить шпагу, прикрепленную к поясу с левой стороны и кинжал, висящий на цепочке с правой стороны. И особо следует отметить массивную золотую цепь облегающую воротник.

Несмотря на весьма скромное одеяние, этот человек олицетворял собой само могущество. Он был не менее могущественен, чем сам король, хотя и звался герцог Лерма. С лёгкой руки короля Испании, герцог Лерма понемногу прибрал к рукам всё, что только приносило или даже могло принести доход. И особенное внимание уделялось поставкам серебра из колоний, которые едва ли не на треть наполняли королевскую казну. Пользуясь королевскими благами, он не забывал скупать земли, дома, крепости, а порой и целые города в счёт своих будущих наследников.

Как ни странно, но собственное обогащение ничуть не мешало удовлетворять любые прихоти короля Испании. А что же король? Король был счастлив избавиться от тяжелой ноши именуемой «заботой о королевстве» и переложить её на плечи герцога Лермы.

Но вернёмся к герцогу Лерме. Причиной столь позднего появления во дворце стало послание его величества. Король желал срочно переговорить с ним по очень важному делу. Такого рода просьбы случались не часто, оттого герцог Лерма немного волновался. Сразу пришла мысль о недругах. И первым среди его недругов по праву считались Энрикесы. Они никак не могли смириться с его близостью к королю и всячески пытались их рассорить.

Герцог Лерма хотел сразу же войти в опочивальню к королю, но стражники, охранявшие вход, преградили ему путь. Обычно это происходило только в двух

случаях: когда у короля находилась королева Испании Маргарита Австрийская, или капеллан короля, Педро Хирон. Герцог Лерма молча отступил назад и подумал о том, что если из двери выйдет один из них, тогда всё хорошо. Но если появится кто-то другой, значит...он в опале.

Ждать пришлось совсем недолго. Дверь открылась, пропуская немолодого мужчину в монашеской рясе. Герцог Лерма столь радостно приветствовал королевского капеллана, что тот на мгновение даже растерялся. Никогда прежде всемогущий Лерма не показывал столь явно своего расположения. Перекрестив герцога, капеллан торопливо засеменил по коридору. А герцог Лерма выждав немного, устремился в покои короля.

Король сидел в кресле у камина, укутавшись в мантию, и грел свои ноги у огня. Королю только исполнилось двадцать пять лет. Он обладал светлым лицом с мягкими, почти детскими чертами. Ему приходилось часто хмуриться, дабы придать ему серьёзное выражение.

Герцог Лерма встали слева от короля и низко поклонился. Он не разгибался до той самой поры, пока не раздался приветливый голос его величества: – Сеньор! А вот и вы! Надеюсь, вы простите своего друга за столь позднее приглашение?

– Я с глубочайшим почтением поблагодарю моего короля за приглашение в любое время! – герцог Лерма выпрямился и слегка наклонил голову.

– Прошу вас, сеньор! – король указал на кресло справа от себя.

– Ваше величество, я не смею...

– Будьте послушны своему королю, сеньор! – король снова указал на кресло.

Герцог Лерма поклонился и только потом занял указанное кресло. В тот же миг раздался задумчивый голос короля Испании:

– Я пригласил вас сеньор, намереваясь обсудить весьма важный вопрос, касающийся моего младшего

брата принца Астурийского. Дон Диего давно достиг брачного возраста, ему исполнился двадцать один год, но всё ещё не обзавёлся семьёй. Я подумываю женить дон Диего, но никак не могу сделать выбор относительно будущей принцессы Астурийской. Моя уважаемая супруга предлагает в качестве таковой свою кузину Анну. Есть и иные предложения от королевских домов Европы. Что вы думаете по этому поводу?

Герцог Лерма с огромной внимательностью выслушал короля. Слушая короля, он осознал, что давняя мечта вполне может осуществиться именно сейчас. Смелее, – подбодрил себя герцог Лерма.

– Я выскажусь со всей откровенностью, ваше величество!

– Иного я от вас и не жду, сеньор!

– Ваше величество, а почему бы не женить дон Диего в Испании?

Король одобрительно кивнул.

– Такой брак укрепил бы нашу власть внутри империи. Мне об этом уже говорили. И я склонен согласиться с таким подходом. Более того, в качестве невесты для моего брата предлагали Беатрис Энрикес. Ваше мнение, сеньор? Не кажется ли вам такой брак...неравным?

Энрикесы?! – одна мысль о том, что его недруги породнятся с королём, была невыносимой герцогу Лерму. Кроме всего прочего, такое родство могло стать началом его собственного конца.

– Сто тысяч золотых дукатов!

– О чём вы, сеньор? – не понял король.

– Если Энрикесы готовы дать за своей дочерью сто тысяч дукатов, тогда можно и согласиться, ваше величество!

– Вы преувеличиваете, сеньор! Такую сумму никто не даст в качестве приданного.

– Я бы дал, ваше величество, если б моей дочери Беатрис оказали столь высокую честь.

– Вот как?! – приятно удивился король. – Вы действительно готовы дать такое огромное приданное за своей дочерью?

– Без раздумий, ваше величество!

– Энрикесы не согласятся пойти на подобное великодушие. Но всё же, мне следует поговорить с ними.

– И ещё сто всадников в придачу со всем вооружением. Но и это ещё не всё, ваше величество. Я бы передал в подарок принцу Астурийского часть моих владений.

– Я услышал вас сеньор! Ждите моего ответа!

Герцог Лерма встал, низко поклонился и вышел из опочивальни короля. В тот же миг, боковая дверь отворилась и в комнату впорхнула светлоликая особа лет восемнадцати с распущенными волосами. Она была облачена в ночную рубашку и держала в руках подсвечник с двумя горящими свечами. Это была ни кто иная, как юная королева Испании Маргарита Австрийская.

Король встал с кресла и начал аплодировать королеве. Не выпуская из рук подсвечник, королева несколько раз грациозно поклонилась.

– Я рад, что прислушался к твоему совету и не стал сразу предлагать брак герцогу Лерме, – улыбаясь, сказал король, – ко всему прочему, мы не только разбогатеем, но и на славу повеселимся. Он ведь терпеть не может Энрикесов. Впрочем, Энрикесы едва ли от него в восторге.

– Вот именно! – королева весело рассмеялась. – Я не сомневалась, что наш уважаемый герцог не станет терпеть превосходство Энрикесов. Я только степень его ненависти к Энрикесам недооценила, поэтому и предположила сумму в двадцать пять тысяч. Но сто тысяч...ему придётся расстаться с частью своего имущества.

– Что, дальше? – весело поинтересовался король.

– Надо известить почтенного адмирала Кастилии о твоей беседе с герцогом Лерма. А уж он как глава

Энрикесов решит, как следует поступать, – столь же весело ответила королева. – Пусть разбираются между собой, а мы выберем самого достойного.

– Мне нравится! – король засмеялся. – Я в нетерпении жду схватки между ними. И более всего это касается двух Беатрис. Обе красавицы и обе обладают вспыльчивым нравом. Наверняка, они не останутся вне спора о своём будущем браке.

– Так вот что тебя волнует? – с притворной сердитостью бросила королева. – Придворные красавицы?

– Я бы хотел посмотреть на них в присутствии Диего, – король расхохотался. Королева тоже засмеялась. Но правда сразу же стала серьёзней.

– Следует поговорить с Диего, прежде чем принимать решение о браке. Он ведь может и отказаться.

– Диего?! – насмешливо переспросил король и продолжал с той же насмешливостью. – Только не Диего, моя дорогая. В то время, пока мы с вами заговоры устраиваем, Диего находится в Сантьяго-де-Компостелла и молиться за всех нас. Он послушен и благочестив. К тому же слушается меня во всём, ибо как сам не раз повторял: Господь одарил его великой милостью послав в качестве награда такого брата как я.

Далее разговор перешёл на детали. Королевская чета решала, каким способом известит Энрикесов о будущем браке принца Диего с дочерью герцога Лермы и тем самым даст начало новому противостоянию между двумя родами. Кроме всего прочего, было решено, что король поддержит герцога Лерму, а королева станет на сторону Энрикесов. Такой расклад сил мог значительно усилить противостояние и в итоге принести значительную пользу.

Что же до самого невольного виновника всех этих событий...принц Астурийский действительно находился в Сантьяго-де-Компостела. И он действительно молился.

Глава 2

Испания. Сантьяго-де-Компостела. Собор святого Иакова.

Восемь монахов ухватившись за верёвки, приводили в движение огромное кадило. Кадило, медленно раскачиваясь, поднималось всё выше и выше, к нефам собора святого Иакова.

Церковное песнопение, словно взлетало ввысь. Чем выше поднималось кадило, тем сильнее звучали голоса.

Полуденная месса собрала в соборе множество верующих. «Конфитеор» служил Максимилианно-де-Австрия, епископ Галисии, епископ Еговии и Кадиса. Епископ стоял обращённый лицом к позолоченному престолу изображающего гору преображения. В центре престола, на троне восседала скульптура святого Иакова. Именно на скульптуру святого и был обращён взгляд епископа.

Слева от епископа стоял минстрант облачённый в комжу. В его обязанности входило прислуживать епископу во время мессы. Это был смуглый юноша приблизительно двадцати лет с ангельским лицом и очень выразительными зелёными глазами. В его глазах то и дело вспыхивали весёлые искорки, которые тут же сменялись отчётливым раскаянием. Это выражение лица сохранялось ровно до того времени, пока на смену ему не приходило...озорство. Не успев промелькнуть, озорство уходило, уступая место благоговейности. Но и благоговейность оставалась совсем недолго. Глаза лукаво шурились, превращаясь в два искрящихся огонька, совершенно неуместные в столь торжественный час.

Епископ Максимилианно то и дело с беспокойством поглядывал в сторону минстранта. Его не оставляло чувство приближающейся беды. Он успел трижды пожалеть о своём решении.

«Никогда более не позволю ему прислуживать во время мессы. Он меня наверняка опозорит», – именно такими были мысли епископа в эти минуты. Он в очередной раз бросил настороженный взгляд в сторону минстранта. Тот выглядел весьма... благочестиво. Епископ только успокоился, как с ужасом различил его шёпот:

– Святая инквизиция! Это не так весело как кажется со стороны. И поют скверно, и кадило испускает мерзкую вонь. Надо бы внести немного...разнообразия. Епископ бросил на минстранта умоляющий взгляд. Минстрант в ответ неопределённо покачал головой. В этот миг, епископ всей душой пожелал, чтобы кадило не опускалось никогда. Но кадило опустилось и песнопение прекратилось. Следовало начинать мессу. Помолившись Спасителю и бросив ещё один умоляющий взгляд в сторону Минстранта, епископ Максимилианно приступил к выполнению своих духовных обязанностей. В соборе начали раздаваться слова молитвы:

– Исповедую Богу всемогущему, блаженной присно деве Марии, блаженному Михаилу Архангелу, блаженному Иоанну Крестителю, святым Апостолам Петру и Павлу, всем святым, и вам, братья, и тебе отче, что я согрешил много мыслью, словом и делом. Моя вина, моя вина, моя величайшая вина. Поэтому прошу блаженную присно деву Марию, блаженного Михаила Архангела, блаженного Иоанна Крестителя, святых Апостолов Петра и Павла, всех святых и вас братья, молитесь за меня Господу Богу нашему!

– Да помилует тебя всемогущий Бог, и простив грехи твои, приведёт тебя к жизни вечной. Аминь! – с благоговейностью пропел минстрант к величайшему облегчению епископа.

Следом, минстрант повторил молитву Конфитеор и на словах: «Моя вина, моя вина, моя величайшая вина», как и положено, трижды ударил себя в грудь.

Чуть позже он преподнёс епископу Максимилианно чашу с водой и следовал за ним, когда тот брызгал

водой на верующих и отпускал им грехи.

Епископ действовал так быстро, как только мог. Едва месса завершилась, он со всей скоростью поспешил в одну из внутренних помещений собора, которая служила комнатой для переодевания. Верующие приняли поспешный уход епископа за признак недомогания и вполголоса выражали ему сочувствие.

Сам же епископ быстро переоделся в привычное епископское одеяние и готовился покинуть Собор, когда появился тот самый минстрант, который не давал ему покоя во время мессы. Явился, с чашей святой воды в руках.

– Дьявол! Я едва не задохнулся от вони. Что за мерзость вы добавляете в кадило? – с удивлением спросил он.

– Ты в храме божием! – епископ обвёл руками вокруг себя.

Минстрант зачерпнул в ладонь святой воды из чаши и побрызгал на свою голову. Заметив осуждающий взгляд епископа, он с притворным удивлением спросил:

– А разве вы не таким способом отпускаете грехи? Может, желаете сами на меня побрызгать святой воды? Я не стану возражать!

– С меня на сегодня довольно, Диего! – епископ забрал святую воду из рук...принца Астурийского и поставил её на стол.

Роль минстранта выполнял не кто иной, как младший брат короля Испании, принц Астурийский. Выполнял по собственному желанию и вопреки воле епископа Максимилианно, которому, в отличие от многих других, включая и его величества, был хорошо известен нрав принца или как его все называли «дон Диего».

– Я могу взять с собой немного...этой чудесной воды?

– Диего! Не смей насмехаться над церковью! – предостерег епископ Максимилианно. – И не изображай невинность. Я прекрасно понял, зачем

тебе нужна святая вода. Но она не поможет избавить тебя от будущих грехов. Если они узнают, кто скрывается под маской «горбуна Сурдо» – разразится страшный скандал. Твой брат король весьма набожен и не оставит подобные поступки без наказания.

– Так я могу взять с собой немного святой воды?

Епископ всплеснул руками и с негодованием поинтересовался:

– Зачем тебе святая вода?

– Пришлась по душе роль епископа. Проведу мессу. Отпущу грехи. Займусь тем, чем вы занимаетесь каждый день. Это же богоугодное дело? – осторожно спросил Диего.

– Богоугодное дело? Такой поступок будет расценен как издевательство над церковью, поскольку ты не являешься духовным лицом. И ты прекрасно это понимаешь, – теряя терпение, закричал епископ Максимилианно. – Не смей, Диего! Не смей этого делать!

– Пусть святой Иаков простит ваш гнев! – с самым прискорбным видом ответил Диего и, прихватив чашу со святой водой, исчез.

– Чёрт бы тебя побрал, Диего! – закричал ему вслед епископ Максимилианно. Он тут же опустился на колени и перекрестившись, попросил прощения у Господа за свои слова. Но злость на Диего не проходила. Он не сомневался в том, что тот выполнит своё намерение. Оставалось догадываться, лишь, где он это сделает и какую форму примет эта самая «месса».

Глава 3

Глухой горбун

– Спаси и защити святой Иаков!

Эти слова повторялись в точности, но каждый раз звучали на разных языках и на разный лад. Иногда с брезгливостью, иногда с отвращением, порой со страхом, но чаще всего с откровенным ужасом. Принадлежали слова паломникам, которые непрерывной массой направлялись в сторону собора святого Иакова, третьей по величине святыне христианского мира. А единственную причину этих слов олицетворял ужасный горбун.

Только один горб чего стоил. Бесформенная масса за спиной возвышалась выше головы. Волосы на лохматой шевелюре, которую, судя по всему, никогда не мыли и не стригли, торчали во все стороны. Голова была наклонена и выдвинута вперёд. Густые чёрные брови свисали вниз, закрывая глаза. Изрезанные глубокими морщинами щёки были неестественно белого цвета и свисали вместе с квадратным подбородком до самой гортани. Нормальным оставался только нос. И, тем не менее, он являл едва ли не самую уродливую часть лица. Это происходило по причине движения щёк. При ходьбе щёки колыхались и накрывали нос. Поэтому нос то исчезал с лица, то появлялся снова. Одежда горбуна так же стояла отдельного

упоминания. Она, по сути, состояла из трёх предметов: остроносых туфель из буйволиной кожи перетянутой возле щиколоток шёлковыми нитями с подвешенными на них маленькими колокольчиками, которые звенели всякий раз при ходьбе, широченных чёрных штанов с ниспадающими почти до туфель складками и куртки перепоясанной верёвкой. Куртка представляла собой некую геральдическую галерею из ярких лоскутов, сшитых меж собой. Едва ли на каждом лоскутке был изображён герб одного из знаменитых дворянских родов Испании.

Ну и несколько слов о спутнике горбуна. Это был самый настоящий...осёл. Осёдланный осёл. На спине осла красовалось седло лошади со свисающими едва ли не до самой земли, шпорами. А к седлу был приторочен мешочек, содержимое которого было

скрыто от глаз. Осёл, словно тень, следовал по пятам за горбуном.

Широко раскинув руки и размахивая ими в обе стороны, горбун быстро двигался в сторону противоположную от собора и движения паломников. Все от него шарахались в сторону, что ничуть не смущало самого горбуна. Он не только не злился, но и строил весёлые гримасы, от которых одна почтенная матрона едва не упала в обморок. Приметив родник, возле которого столпились паломники, горбун направился туда. Паломники поспешно отошли в сторону и окидывали его взглядами полными ужаса. Не обращая ни малейшего внимания на окружающих, горбун медленно подставил рот под тонкую струйку воды и столь же медленно начал пить. В то время пока он пил воду, до его слуха донёсся разговор на французском языке. Кто-то рассказывал о некой Беатрис Байон из Наварры. И при этом несколько раз употребил слова «старая ведьма».

– Эта Беатрис Байон составила бы мне чудесную пару, – весело подумал горбун. Или Диего?! А ведь именно он выступил в образе горбуна. Он часто переодевался в горбуна, дабы иметь возможность говорить всё, что только вздумается. И почти всегда совершал эти превращения для собственного развлечения. Жители Сантьяго-де Компостела так и не узнали принца Астурийского, но горбун Сурдо был известен, и любим многими. Любим – за свои острые шуточки в адрес церкви и высшего сословия. Напившись воды, он завернул в ближайшую арку и вскоре вместе с ослом исчез из виду, к величайшему облегчению паломников. Но это всего лишь был небольшой манёвр. Диего собирался провести «мессу» на площади перед собором святого Иакова, так как справедливо считал это место самым многолюдным в городе. Исходя из этих соображений, он сделал небольшой крюк, то бишь обогнул Собор с Запада на Восток и появился в сопровождение осла на

маленькой улочке выходящей прямо к площади. Оставалось пройти каких-то двадцать шагов до площади, когда он остановился. Сзади в горб уткнулась морда осла, но он не придавал значения этому маленькому происшествию. Диего неспроста остановился. Его насторожила карета запряжённая четвёркой лошадей с занавешенными окнами. Она стояла как раз посередине между ним и выходом на площадь. На дверце кареты был изображён герб Энрикесов, грандов Испании. Род Энрикесов возглавлял адмирал Кастилии, герцог Медина-дель-Риосеко. Присутствие Энрикесов в Сантьяго-де-Компостелла, выглядело, по меньшей мере, странно. Если только они не явились по его душу. Не успел он об этом думать, как различил женский голос и слова «Дон Диего». Ему очень хотелось услышать, о чём говорят в карете, но идти вперёд он не решился из-за колокольчиков, привязанных к обуви. Они звенели и могли привлечь внимание. Посему ему пришлось напрячь слух. И не напрасно. Разговор действительно шёл о нём:

– Её величество королева наметнула на возможность брака с принцем Астурийским, – донёсся до него приглушённый женский голос. – Она так же обещала содействовать всеми силами для заключения этого брака. Ещё немного терпения, Беатрис и ты станешь супругой дона Диего.

– Дорогая матушка, – раздался второй женский голос, – я денно и ночно молюсь за успешное завершение миссии моего дорогого отца. Для меня нет счастья большего, нежели стать супругой Дону Диего. Но меня тревожит Беатрис, дочь герцога Лермы. Она знает о моей любви к дону Диего и оттого безо всякого стыда заявила о своих намерениях прямо мне в лицо.

– И что же она сказала?

– Беатрис Лерма долго восхваляла достоинства дона Диего. И особенно отмечала набожность и удивительную красоту присущую всем представителям

королевской семьи. И здесь я согласна с ней во всём. И даже больше. Красоту дона Диего создали сами ангелы, и они наделили его той удивительной набожностью, которая известна всей Испании. Он учтив, скромен и во всём покорен воле брата, его величества короля Испании. Именно на покорность его величеству и намекала Беатрис Лерма. Её отец, герцог Лерма состоит в лучших отношениях с его величеством. Именно это обстоятельство по её словам и позволит ей стать принцессой Астурийской.

– Мерзавка! Вся в отца!

– Но они вполне способны опередить нас!

– Оттого мы и приехали сюда. Мы со всем почтением навестим дона Диего и словно невзначай оставим вас наедине. Постарайся понравиться ему. А ещё лучше, если сумеешь влюбить в себя. Король любит брата и не станет противиться его просьбе, в случае если он решит выбрать тебя.

Диего тем временем раздумывал над тем, как можно использовать соперничество двух семей и пришёл к выводу, что как бы не сложилась дальнейшая судьба двух Беатрис, он получит массу удовольствия. В превосходном расположении духа он двинулся вперёд, выкрикивая одни и те же слова:

– Не позволяйте вашим соперницам взять вверх и будете вознаграждены счастливым браком!

Диего краем глаза заметил, как в окне кареты появилось весьма привлекательное лицо молодой особы. Поверх этого лица возникло другое, не столь молодое и не столь привлекательное. Мгновением позже его окликнули. Но по понятным причинам он ответить не мог. Ведь все считали его глухим.

Диего вывел осла в центр площади. Краем глаза он следил за двумя женщинами в плащах. Те покинули карету и следовали за ним на расстояние десяти шагов, исподтишка наблюдая за всем, что он делает или говорит.

– Горбун Сурдо! Горбун Сурдо! – раздались радостные возгласы на площади. Люди в одиночку и

мелкими группами двинулись к нему. Следом за ними направились и паломники, которых находилось на площади великое множество. Направились, из чистого любопытства.

Диего же ни на кого не обращал внимания, за исключением осла. Он развязал горлышка мешка притороченного к седлу и выудил оттуда чашу. Вслед за чашей появилась бутылка с водой. Он откупорил бутылку и перелил из неё воду в чашу, а потом снова закупорил и засунул обратно в мешок. Держа чашу в руках, с самым торжественным видом, он начал наворачивать круги вокруг осла. По площади разнёсся громкий голос полный праведного негодования и обращён он был...к ослу:

– Ты ешь овёс, испражняешься на дорогах и занимаешься богопротивными делами с соседской ослицей. Признай свою вину и покайся в грехах. Под хохот толпы, Диего начал брызгать на осла святой водой. Осёл начал крутить головой, словно пытался выразить покаяние.

– Не стыдись своих поступков – стыдись избегать покаяния за них! – приговаривал Диего продолжать брызгать на осла святой водой. – Наша церковь всё прощает, если только вовремя вносишь плату в церковную казну.

Осёл задрал голову и оскалился. Тут же раздался назидательный голос:

– Признай свою вину молча и не пытайся роптать, иначе не видать тебе длинных ушей и хвоста. Благо у нас всегда найдется, кому о них позаботиться. Смех на площади становился всё громче, поскольку всем стал понятен намёк на святую инквизицию. Из Собора в сопровождение монахов выбежал епископ Максимилианно. Заметив горбуна, он со всех ног понёсся в его сторону. Диего заметил епископа, но сделал вид, будто всецело занят ослом.

– Немедленно покинь это святое место, – закричал, подбегая епископ Максимилианно. – Бери осла и уходи отсюда!

– Грешник!

Епископ Максимилианно остановился как вкопанный. Он не мог поверить, что ему сказали это в лицо. На самом деле Диего сказал это слово, имея в виду осла. Диего погладил осла по голове и снова повторил:

– Грешник! Понимаешь ли ты значение греха? К примеру, такой отвратительный грех как похоть. Ты подвергаешься этому греху, когда подкрадываешься к ослице как вор. А ведь тебе следовало поступить, как и любому добропорядочному...ослу и сначала обратиться за разрешением к хозяину ослицы. А уж потом просить владельца хозяина ослицы. А уж потом к сеньору того самого владельца хозяина ослицы. И уж после того, ты можешь обратиться к герцогу Лерме. Если герцог милостиво соизволит согласиться, ты вполне можешь приударить за своей возлюбленной.

– Ты сравниваешь осла...с нами? – под неутихающий смех толпы, спросил донельзя раздосадованный епископ Максимилианно. Он желал немедленно прекратить этот спектакль, но не знал, как это можно сделать. Посему он не нашёл ничего лучшего как схватить осла за уздцы и увести. Но осёл воспротивился силе. Ещё двое монахов, бросились на помощь епископу. Под хохот толпы, все трое пытались увести осла, но тот упирался и никак не хотел идти.

– Мой друг не уйдёт, пока ему не отпустят грехи! – громко заявил Диего и, кивая в сторону епископа Максимилианно, который изо всех сил упирался сандалиями в каменную плиту и тянул за уздцы, заметил. – Я и вам могу отпустить грехи, ибо вы становитесь грешниками, лишая несчастного осла надежды на тихое семейное счастье. – И переходя от слов к делу, он приподнял чашу с водой со словами. – Избавьтесь от гордыни отвергающей ближнего как равного вам. Избавьтесь и покайтесь, перед лицом святого Иакова!

Пользуясь тем, что руки епископа были заняты, Диего побрызгал на него святой водой. А потом побрызгал святой водой и на двух монахов.

– Богохульник! – вскричал епископ, выпуская из рук уздечку. Осёл неожиданно рванулся вперёд, сбил обоих монахов с ног и понёсся по площади.

– Мой друг принял ваше преосвященство за инквизитора! – кивая вслед ослу, ответил на это Диего. – Он слаб духом и не выносит пыток.

– Ты немедленно пойдёшь со мной! – для пущей наглядности, епископ показал рукой, что должен сделать Диего. Тот даже не сдвинулся с места.

– Я должен дождаться моего несчастного друга, – во весь голос возвестил Диего. – Мне надлежит вернуть его в лоно церкви, хотя он и был жестоко изгнан её слугами. Кстати, что там слышно про свадьбу принца Астурийского с дочерью герцога Лерма? Они уже обвенчались?

Епископ Максимилианно схватил его за руку и потащил за собой в Собор. Диего даже не думал сопротивляться. Его слова слышали те, кому они и были предназначены. Обе женщины покинули площадь, прежде чем он оказался под сводами Собора.

Следующие четверть часа, Диего со всем смирением слушал проповедь епископа касающиеся недопустимости проведения любого рода церковных обрядов. И более всего это касалось ослов и прочих животных. И уже в самом конце речь пошла о недопустимости нарушения тайны исповеди.

Размышления епископа в последней части показались несколько странными, поскольку осёл так или иначе не обладал талантом покаяния, а сам Диего мог говорить о себе, всё что вздумается. И это никак не могло считаться нарушением тайны исповеди.

Однако, вслух, он не стал ничего опровергать.

Диего, согласно заведённой традиции разговора с епископом, ни с чем не соглашался, но и не возражал. Выговорившись и облегчив душу, епископ Максимилианно отпустил его, но с условием, что тот

больше не будет подменять собой священнослужителей. Диего снова ничего не ответил, и почтенному епископу оставалось лишь догадываться, что именно замышляет его подопечный. Как правило, за молчанием следовала очередная выходка.

– Что делать, ума не приложу, – в смятение пробормотал епископ Максимилианно, – если его величеству станет известно о проделках принца, ...он будет разгневан и накажет всех, включая меня. Да избавит нас Господь и святой Иаков от королевского гнева!

Глава 4

Дон Диего

Спустя час, Диего уже подходил к развалинам некогда грозного замка на южной окраине города. Здесь легче всего было спрятаться от людских глаз. Никого поблизости не наблюдалось. Оттого и безо всякой опаски, он стал выискивать взглядом знакомую фигуру слуги. Но того словно и след простыл.

– Пемон! – воззвал Диего во весь голос. – Где ты, чёрт бы тебя побрал?

– Я здесь, ваше высочество. Здесь! – раздался голос. А вслед за ним из-за развалин, на отдалении не более пятнадцати шагов от места, где стоял Диего, появилась длинная тень.

Пемон, был не кто иной, как личный и полностью преданный слуга его высочества принца Астурийского. Он участвовал во всём, что делал или собирался сделать его высокородный хозяин. Пемону исполнилось тридцать лет. Он был четвёртым сыном обедневшего дворянского рода из Андалусии. Пемон, несомненно, обладал массой достоинств, но

внешность не входила в их число. Он обладал высоким ростом, был худощав. Лицо длинное и вытянутое. При взгляде на лицо создавалось впечатление, что скулы живут своей отдельной жизнью. Они постоянно двигались, даже если рот был наглухо закрыт. Тем самым порождая печальные гримасы. В сочетании с маленькими глазами и опущенными бровями, это наводило на мысль о неких страданиях, которые Пемон тщательно ото всех скрывал.

– Что это? – осведомился Диего, гневно разглядывая холщёвую рубашку и сандалии, которые протягивал ему Пемон. – А где моя одежда? Где моя шпага? И где моя лошадь?

Пемон многозначительно приподнял брови.

– Что?

– Тридцать три дня покаяния, ваше высочество. Вам нельзя носить ничего за исключением этой одежды!

– Святая инквизиция! А я и забыл...сколько прошло?

– Четыре дня!

– Ты уверен?

– Вполне, ваше высочество!

– А кроме тебя...кто-то ещё считает мои покаянные дни?

– Их все считают, ваше высочество!

– Наверняка, свои дни не так тщательно отсчитывают. Ладно уж, потерпим.

Они вместе углубились в развалины, и здесь началось превращение горбуна Сурдо в дона Диего, принца Астурийского.

Сначала, и с помощью Пемона, на землю полетела геральдическая куртка вместе с горбом. За ней шевелюра с бровями. А вот с щёками пришлось основательно повозиться. Они никак не желали отлипнуть от лица.

– Почему они не отходят? – раздался среди развалин раздражённый голос.

– Ваше высочество жаловалось, что щёки едва держаться на лице, оттого пришлось использовать

новый состав.

- Да, но теперь они всё время сползают к шее, и мне приходится их подтягивать.

- Излишки воды в муке. Оттого они и тянутся вниз.

- Наливай меньше воды!

- Они могут начать трескаться или заворачиваться.

- Они и заворачиваются. Да так, что мне порой дышать тяжело.

- Я сегодня схожу к лекарю мавру и попрошу сделать новый состав.

Общими усилиями удалось отодрать щёки от лица.

Правда, при этом, накладные щёки стали ровно в два раза длиннее.

Одевание рубашки и сандалий заняло совсем немного времени. Пемон закинул в мешок все атрибуты горбуна и сразу же с ним исчез. А вместо горбуна Сурдо появился дон Диего или Диего, как мы будем называть его в дальнейшем. Одетый в грубую рубашку и сандалии, он даже не напоминал, а олицетворял собой покаяние. В особенности, когда нежные черты лица затуманивал страдальческий взгляд. Пемон вернулся назад ведя в поводу весьма невзрачную на вид лошадь. К седлу был приторочен тот самый мешок с одеянием горбуна. Один взгляд на лошадь и Диего отрицательно покачал головой.

- Я не сяду на эту болезненную клячу! Она сдохнет по дороге!

- Лошадь для меня. Вашему высочеству следует идти пешком!

- Ты меня давно раздражаешь, Пемон!

- Ваше высочество сами просили относиться к себе со всей строгостью.

- И ты что, всегда выполняешь мои просьбы?

- Всегда!

- В таком случае, найди мне нормальную лошадь.

- Вашему высочеству лучше идти с опущенной головой, - посоветовал Пемон, взбираясь в седло и оставляя без внимания последнюю просьбу Диего.

– Для чего? Ах, да...я ведь раскаиваться приехал. Кто вообще придумал тридцать три дня покаяния? По мне так и трёх дней вполне достаточно. И о чём можно каяться столько дней? Разве что грешить ровно столько же времени?! Хотя герцогу Лерме может и не хватить этого срока для замаливания грехов, – бормотал Диего, выбираясь из развалин на дорогу. Пемон пустил лошадь шагом, вслед за Диего. Так он и пошли по дороге. Впереди шёл с опущенной головой Диего, а вслед за ним, на лошади с важным видом двигался Пемон.

Дом, купленный его величеством для Диего, находился недалеко от площади святого Иакова, на одной из неприметных улочек сплошь и рядом пронзающих Сантьяго-де Компостелла с Севера на Юг и с Запада на Восток. Это был небольшой одноэтажный дом в четыре комнаты с крошечным садом и уютным внутренним двориком. Дом вполне соответствовал духу аскетизма, который приписывали Диего в связи с глубокой набожностью. И это ровно наполовину соответствовало истине. В действительности, Диего не страдал набожностью, но и роскошь не любил. Ему больше нравилось проводить время на лугах, полях или даже в лесах. Он мог преспокойно остаться на ночь даже в самом глухом месте и предпочёл бы его – отдыху в королевских покоях.

Диего пожалел, что не остался в старых развалинах едва увидел у дома карету с гербом Энрикесов. Устремив хмурый взгляд в сторону кареты, он забормотал:

– Святая инквизиция! А они времени зря не теряют. Видно решили всерьёз за меня взяться. Только я вам не по зубам, сеньоры. Мне не нравятся Энрикесы, и более всего этого касается Беатрис. Но вы, уважаемые Энрикесы, можете быть спокойны в отношении Герцога Лерма и его дражайшей дочери. Я скорее отправлюсь в монастырь, чем соглашусь породниться с ними.

Размышляя подобным образом, Диего вступил во двор. Беатрис Энрикес с матерью, герцогиней Медина-дель-Риосеко сидели на скамейке во внутреннем дворике и усиленно обмахивались веерами. Завидев входящего Диего, они сложили веера, поднялись и, придерживая складки платьев, присели в реверансе.

– Какое счастье видеть вас! – Диего приветливо улыбаясь, направился к дамам.

– Ваше высочество! – раздалось два подобострастных голоса.

– Дон Диего. Для вас, дон Диего!

Обе женщины буквально расцвели после этих слов.

Диего попросил их сесть, а сам, несмотря на живейшее сопротивление, остался стоять на ногах.

Беатрис с обожанием смотрела на Диего, в то время как герцогиня завела беседу о королевской чете.

Герцогиня Медина-дель-Риосеко красочно описала свой визит в Вальядолид, в ходе которой она вместе с супругом удостоилась личной беседы с королевой Испании. Упоминая о личной беседе, герцогиня туманно намекнула на некие родственные связи.

Диего прекрасно понимал и цель визита семейства Энрикесов, и намёки. Ровно как не мог не замечать слишком явные знаки внимания со стороны Беатрис. Он всё видел и всё понимал, но никоим образом не показывал этого. Изобразив умиленный вид, он кивал головой и поддакивал герцогине.

– Появились слухи, что ваше величество вознамерилось обвенчаться с Беатрис Лерма. Могу я узнать, насколько они правдивы?

Так я сам их и распускаю, – подумал Диего, с удовлетворением отмечая напряжение, с которым ждали его ответа. Слегка наклонившись к герцогине, он таинственно прошептал:

– Его величество требует этого брака. Я же, терпеть не могу герцога Лерму, ровно, как и его дочь!

Он едва не добавил: и вы мне тоже не нравитесь. Но сдержался. Дамы явно приободрились после его слов,

но ненадолго.

– Но я не в состоянии противиться воле брата!

– Не стоит отчаиваться, ваше высочество, – заговорила герцогиня Медина-дель-Риосеко, подавая весьма отчётливые знаки дочери, – рядом с вами находятся преданные друзья. Они сделают всё возможное дабы избавить вас от нежелательного брака.

Герцогиня продолжала говорить, но Диего её не слушал. Его больше интересовала Беатрис. Судя по знакам, которые ей подавала герцогиня, и её собственному беспокойству, она искала повод для того чтобы уединиться с ним. Смелей же, – мысленно приободрил её Диего. – Я с удовольствием окажу тебе внимание. Ты только попроси.

– Я слышала, у вас есть чудесный сад? Не покажете мне его?! – волнуясь, спросила Беатрис Энрикес.

– Чудесный? Отнюдь, сеньора. Там растут не больше дюжины деревьев. Нет даже лавочки, с которой можно любоваться на всю эту красоту. Я живу очень скромно, как и подобает человеку в моём положении, – Родриго указал руками на своё облачение. – Но, – добавил он, – если вы снизойдёте до моей скромной обители...я с радостью её покажу.

Для приличия, Беатрис дождалась кивка от матери и только после этого поднялась. Она собиралась взять Диего под руку, но он снова указал на своё одеяние, подчёркивая, что находится здесь для покаяния и ничего большего. Потом поклонился и показал рукой в сторону калитки, которая находилась в десяти шагах от них.

Они собирались выйти в сад, но провидение явно не благоволило очаровательной Беатрис. Внезапно появился королевский гонец. Он сообщил, что его величества прибыли в город и направились в Собор святого Иакова. Кроме всего прочего, гонец передал Диего письмо. Король извещал брата о не ком «подарке» и не двузначно намекал на послушание королевской воле.

– Не иначе как решил женить меня на дочери герцога Лерме, – подумал дон Диего. – По сути мысль прекрасная...если только внести в неё немного разнообразия.

Извинившись перед Энрикесами, Диего шепнул несколько слов Пемону, затем вышел из дома и быстро зашагал по каменистой улочке.

Вскоре сзади послышался цокот копыт и испуганный голос:

– Если вы это сделаете, мы не доживём до вечера. Вернее, я не доживу до вечера!

– Жизнь коротка, мой друг, – нравоучительно заметил Диего в ответ на эти слова.

– Почему бы вам просто не жениться на одной из двух Беатрис? – осторожно спросил Пемон.

– Причины три. Первая – они не так красивы, как я. Вторая – они не так умны, как я. Третья – они не так знатны, как я.

– Но они богаче вас. А золото вполне способно перевесить все ваши три причины.

– На этот случай, у меня есть четвёртая причина – я терпеть не могу обеих Беатрис.

Глава 5

О том, как быстро обзавестись женой

– «Король! Король Испании!.

Путь паломникам преградили стражники. И причиной тому действительно являлся король Испании.

Окружённый многочисленной свитой, королевой матерью Изабеллой, супругой – королевой Испании Маргаритой, в сопровождение герцога Лермы, главного инквизитора Хуана де Флорес, группы епископов и военных, король Испании покидал собор святого Иакова под звон колоколов. Вся площадь была запружена народом. Стражники оттесняли толпу,

дабы королевская семья могла спокойно приблизиться к каретам, которые длинной чередой выстроились на другой стороне площади.

Появление короля Испании, народ принял без особого восторга. Тем не менее, король благосклонно кивал всем вокруг. Королевская процессия чинно и с подобающей величественностью собирались отбыть, но случилось нечто непредвиденное. Кто-то громко окликнул его величество по имени: «Филипп»! Крик прозвучал настолько громко, что король остановился. За ним остановилась и всё окружение. Пока король Испании выскивал вместе с окружением в толпе человека, осмелившегося обратиться к нему столь фамильярно, раздался новый крик:

– Подними голову Филипп, и ты узрешь небесную благодать!

Все, включая короля, его окружения и людей на площади, задрали голову кверху и с удивлением узрели ужасного горбуна. Горбун сидел на самом краю карниза, в ногах скульптуры святого Иакова, которая была сооружена прямо в центре, под шпилем Собора. В руках, горбун держал...деревянные счёты. Он ими всё время тряс, привлекая к ним внимание.

– Что ты там делаешь? – громко и откровенным с удивлением, спросил король.

– Казну твою пополняю! – раздался сверху еле слышимый голос горбуна. – Задача совсем нелёгкая, если принимать во внимание усердие герцога Лермы. Любимый и уважаемый всеми, герцог Лерма сумел продумать все способы пополнения твоих и своих сундуков. Вернее – своих и твоих сундуков. Но и у меня есть что предложить. К примеру, налог на еду. Если твои подданные едят чаще одного раза в день, они должны будут платить дополнительный налог, – горбун задрал счёты и начал считать, – ещё налог на жену. Хочешь жениться – плати. А если к тому же решишь возлечь с супругой, придётся доплатить...за удовольствие, поскольку удовольствия – это удел королей.

На площади начал раздаваться смех. Король нахмурился. Не следовало слушать этого горбуна, но он не мог уйти, не уронив собственного достоинства. Тем временем, снова раздался голос горбуна.

– Ещё стоит подумать о налоге на шкуру твоих подданных. Хотя о чём это я? Шкуру с твоих подданных уже содрал герцог Лерма. Придётся отбросить этот налог в сторону и подумать о других налогах, – горбун снова затряс счётами. – Как насчёт налога...на содержание твоих любовниц? К примеру, Соланы Алмейда? Мы бы могли взимать по золотому в год для её содержания.

Королева Испании устремила гневный взгляд в сторону супруга.

– Это ложь. Это наглая ложь! – начал было оправдываться король, но в этот момент снова раздался голос горбуна.

– И ещё налог за твоё воздержание в отношении королевы Испании. Мы все должны молиться за такого благочестивого короля. Кто ещё с таким смирением станет рассказывать собственной матушке, о нежелании возлечь с супругой?! Да и как смеет королева принуждать ваше величество к столь богопротивным деяниям?! Вы правильно поступили, рассказав своей матушке о неприличествующем поведении королевы.

Король Испании устремил хмурый взгляд в сторону матери. Она всем, чем могла, показывала слово «нет».

– Кто распространяет обо мне эти гнусные слухи? – король сурово оглядел придворных. Все как один опускали глаза. Исключение составляла лишь королева Испании. Но её взгляд, сам король старательно избегал. А на площади всё чаще и чаще раздавался смех.

– Налог на жизнь! – радостно заорал сверху горбун.

– Хочешь жить – плати. Ну и всякие мелочи, такие как пить воду и ходить в своём доме, тоже можно

обложить налогом. Кстати, зачем ты пообещал герцогу Лерме руку своего бедного, больного брата Диего?

Король на время даже дар речи потерял.

– Да откуда он всё знает? – пробормотал он под нос и снова, на сей раз с подозрением оглядывая всё окружение, включая супругу и королеву-мать.

– Филипп, ты совершаешь святотатство, собираясь женить его на дочери герцога Лермы. Твой брат уже женат. И этот брак освящён церковью. Диего просто боится твоего гнева, по этой причине и молчит. Я тебе даже могу сказать на ком он женат. Его супруга, третья по счёту из Беатрис. Её имя Беатрис Байон из Наварры, весьма набожная...сеньора. Он женился на ней в прошлом году, когда отсутствовал целый месяц. Проклятье! – вырвалось у Диего. На крыше собора появились вооружённые стражники.

Не выпуская из рук счёты, Диего помчался по карнизу, рискуя каждое мгновение сорваться вниз. Потом спрыгнул на небольшую площадку и цепляясь за скульптуры влез на колокольню. Он двигался с таким проворством, что стражники сразу отстали.

Ухватившись за перила балкона, Диего подтянулся и схватившись за край основания колокола, вкатился на площадку прямо к ногам звонаря. Тот с криком отскочил в сторону и прижавшись к стене, между арками, с ужасом смотрел на Горбуна. Приветливо помахав ему рукой, Диего пересёк наискось колокольню, миновал звонаря, пролез через арку и скатился вниз, на крышу. Оказавшись на крыше, Диего сразу же вскочил на ноги и со всей прыти устремился к дальней стороне, туда – где возвышалась ещё одна скульптура святого Иакова. Вокруг скульптуры на уровне пояса был закреплён край верёвки. Достигнув скульптуры, горбун заглянул вниз и что было силы, заорал:

– Пемон! Где ты, чёрт бы тебя побрал!

– Здесь я, здесь! – раздался снизу знакомый голос.

Диего снова заглянул вниз и увидел слугу, который вёл в поводу двух лошадей.

– Натягивай верёвку! – закричал Диего. Он стоял на краю крыши и с беспокойством поглядывал то в сторону колокольни, то в сторону скульптуры. Но вот верёвка натянулась. Диего снял кафтан, обмотал его вокруг рук, и тут же ухватившись за верёвку, заскользил вниз вдоль стен собора. Спустя минуту, он уже взлетел в седло и пустил коня в галоп. Пемон помчался за ним следом. На их счастье, нигде поблизости не оказалось стражи. Они скрытно выехали из города и сразу направились в сторону реки.

Диего нашёл укромное местечко среди деревьев, подальше от людских глаз. Здесь он спрыгнул с седла, бросил поводья на землю и начал быстро раздеваться. Первым полетел на землю горб. За горбом последовала шевелюра. После шевелюры он взялся за щёки и отодрал их от лица.

– Чем это ты их намазал? – с раздражением спросил он у Пемона, который в это мгновение привязывал обе лошади к дереву.

Пемон набожно перекрестился.

– Да спасёт нас святой Иаков. Если король, ваш брат, узнает...

Избавившись от образа горбуна Сурдо, Диего расхохотался.

– А что мне ещё оставалось сделать? – смеясь, спросил он у Пемона. – Жениться на Беатрис Лерме? Ни за что. По мне так пусть грызутся с Энрикесами, а я поживу тихой семейной жизнью с третьей Беатрис. Ну и поскольку все, что было сказано до этого соответствует истине, он и в моём венчании не станет сомневаться. Вызовет и допросит со всем пристрастием. А мне останется только раскаяться в своих грехах.

Диего снова расхохотался. Он был доволен и собой и своей выдумкой, которая, как ему казалось, стала наилучшим выходом из непростого положения.

– А кто такая Беатрис Байон? – осторожно спросил Пемон. – Ну та сеньора, на которой вы вроде как женились?

– Понятия не имею, – весело откликнулся Диего. – Какая-то старая ведьма из Наварры. Я случайно услышал разговор среди паломников. Если его величество решит призвать «мою супругу» ко двору, его ждёт весьма неприятный сюрприз.

Диего снова расхохотался. В целом, как считал сам Диего, затея удалась полностью. Единственно, он не придавал должного значения знанию французского языка. А ведь он им владел едва ли сносно, иначе бы понял, что французские паломники рассказывали о некой юной и прелестной особе, чьего внимания они пытались добиться, но не смогли из-за некой старой ведьмы, которая повсюду её сопровождала.

Глава 6

О том, чего не следует делать

Диего словно в воду глядел, предсказывая действия его величества. Он уверился в успешном завершении своей маленькой миссии, как только из королевского дворца прибыл гонец с письмом. Его венценосный брат приказывал явиться ему во дворец следующим днём в полдень. Это означало, что Диего будет допрошен со всей тщательностью в присутствии знати.

Всё шло как нельзя лучше. Оставалось лишь заручиться поддержкой матери и её величества Маргариты. Диего нуждался в союзниках, на случай непредвиденных обстоятельств.

Весь день Диего провёл в соборе, стоя на коленях перед статуей святого Иакова. Епископ Максимилианно нарадоваться не мог благим изменениям, происходящим с воспитанником. Он то и

дело спешил посмотреть на Диего. И всегда, всегда его ждала умиротворяющая картина: «Потупленный взгляд, и молитвенно сложенные руки». Восторгаясь поведением воспитанника, епископ Максимилианно и помыслить не мог, что в эти самые мгновения Диего размышляет именно о нём, своём духовном отце. А точнее сказать, не размышляет, а пытается определить ему место во всей этой надуманной истории с браком. Хотя нет. И в этих словах есть небольшая неточность. Место епископу Диего уже определил.

После коротких размышлений, он пришёл к выводу, что его величество наверняка захочет узнать имя священника освятившего мнимый брак. Епископ Максимилианно подходил для этой цели наилучшим образом. Одно упоминание его имени сведёт на нет любые сомнения насчёт подлинности брака.

Преимущество слишком очевидное, чтобы оставлять его без внимания. Отсюда и решение Диего.

Единственно, он никак не мог определиться с тем, когда именно следует известить епископа.

Если сказать сейчас, он вполне может найти причину и не появится в королевском дворце, – размышлял Диего, – если сказать после того, как брат потребует ответа... непонятно как вообщеотреагирует его преосвященство.

После короткого спора с самим собой, Диего решил оставить решение этого вопроса за самим епископом Максимилианно. Дождавшись очередного появления своего духовного отца, Диего с самым смиренным видом спросил:

– Могу я задать вопрос?

– Если ты снова...

– Нет, нет, нет...у меня другой вопрос. Вы бы не могли просветить меня в части касающейся святости брака?

Епископ Максимилианно аж расцвёл после этих слов. Его величество король, не раз намекал в разговорах, что вопрос будущего брака Диего

неразрывно связан и с будущим положением самого епископа.

– Что ты хочешь знать, Диего? – с самым счастливым видом просил епископ.

– Святость брака...она ведь нерушима?

– Святость брака нерушима! – подтвердил епископ Максимилианно.

– А если обстоятельства заключения брака...не совсем обычные? Следует ли заранее известить о такого рода обстоятельствах? Они ведь могут повлиять на святость брака? Или не могут?

– Если брак уже заключён, обстоятельства не имеют значения!

– Вы сняли с моих плеч тяжкий груз!

– Я всегда готов прийти на помощь. Помни об этом всегда.

Бросив на Диего ласковый взгляд, Епископ Максимилианно удалился в превосходном расположении духа.

– Последуем совету церкви. Скажу, когда брат спросит, – глядя ему вслед, пробормотал Диего.

Диего не сомкнул глаз до самого утра. Он намеревался сыграть шутку, о которой станет известно всей Испании. Сейчас он мог получить много больше того о чём мечтал. Он мог поставить пьесу из числа самых великолепных «актёров», которые к тому же и не подозревали о своей будущей роли. Одна эта мысль приводила его в восторг. Диего не задумывался о последствиях. Он лишь жаждал творить. А чем всё закончится? Какое это имеет значение? Разве у искусства есть цена, которую нельзя заплатить?!

Именно зов к искусству, к следующему утру сотворил с Диего очередное перевоплощение. Облачившись в холщёвую рубашки и сандалии, изобразив из себя, ни больше, ни меньше, чем статую раскаяния, он отправился в королевский дворец.

Королева Испании только что завершила туалет и осматривала себя в зеркале, когда в покоях

появился Диего. Королева тут же изобразила сердитое лицо. Диего не стал дожидаться гневных слов, которые она готовилась сказать. Нет. Он подошёл и порывисто обнял королеву, а потом встал перед ней на колени и прижался губами к руке:

– У меня нет иного заступника кроме вас, – самым печальным голосом прошептал Диего. Продолжая держать руку королеву, он отпустил голову и ещё более печально закончил. – Отдаю себя в руки моей горячо любимой сестры.

– Так это правда? – строго спросила королева. – Вы, действительно женаты, дон Диего? Вы женились без позволения его величества?

– Судьба сыграла со мной злую шутку. Я никогда бы не осмелился на подобный шаг, но...меня ослепила любовь к этой прекрасной женщине.

– Она и правда, так хороша?

– Увидев её раз уже невозможно забыть.

– Кто она и как выглядит?

В этот миг в покоях появилась королева-мать. Она лишь мельком оглядела невестку и сына.

– Все уже собрались в Голубом зале. Король тоже пришёл. Ждут тебя, Диего!

Диего встал и принял самый несчастный вид, который только можно вообразить.

– Дорогая и любимая моя сестра! Дорогая и любимая моя матушка! Простите меня. Я бы никогда не посмел вас послушаться, никогда...но мной руководило чувство, которому я не смог сопротивляться. Я признаю свою вину и готов принять любое наказание. Но не наказывайте эту несчастную девушку, Беатрис Байон. Она виновата разве лишь в том, что уступила моим горячим мольбам.

Диего незаметно наблюдал за лицами обеих королев и сразу понял, что перетянул их на свою сторону. Обе королевы смотрели на него с глубоким участием и нежностью.

Этот способ одинаково хорош для всех женщин, – с удовлетворением думал Диего, – порой им невозможно

объяснить даже очевидные вещи. Но стоит только упомянуть о любви, как они с лёгкостью понимают даже то, чего ты сам никак в толк не возьмёшь. На губах Диего появилась довольная улыбка, но он быстро её убрал. Он уже собирался выйти, но тут с удивлением и радостью услышал голос королевы.

– Не предложите мне руку, Дон Диего?!

Король с раздражением смотрел на супругу. Она появилась в зале под руку с Диего, тем самым показывая своё расположению к нему. В зале собралось самые близкие к трону люди. В том числе, глава Энрикесов с супругой и дочерью Беатрис. А так же, герцог Лерма с супругой и дочерью Беатрис. Беатрис Лерма и Беатрис Энрикес, то и дело вонзали друг в друга ядовитые стрелы. Каждая из них подчёркивала своё превосходство, всем, что только можно. Чаще всего это превосходство выражалось во вздёрнутой голове с высокомерным взглядом или небрежным жестом руки направленным в сторону соперницы.

Здесь же находился епископ Максимилианно. Он только утром узнал о браке Диего и никак не мог прийти в себя.

– Когда он только успел жениться? – поражался епископ Максимилианно. Он не без основания предполагал, что король не оставит без внимания его бездействие в отношении Диего.

Королева заняла место на троне, рядом с его величеством. Усадив королеву на трон, Диего склонился в поклоне, в двух шагах от брата. Он всем своим видом подчёркивал покорность, что самым благоприятным образом повлияла на короля. Но не настолько, чтобы не обратиться к брату с самым гневным видом. В Голубом зале воцарилась полнейшая тишина.

– Вы женаты, Дон Диего? – строго спросил король. – И не вздумайте мне врать! – добавил он с угрозой. Диего, с самым несчастным видом, кивнул головой.

- Да, ваше величество!
- Без моего согласия?
- Да, ваше величество!
- Тайно? Как вор?
- Да, ваше величество!
- Ваша супруга...Беатрис Байон из Наварры?
- Да, ваше величество!

Король оглядел притихший зал. Потом снова перевёл взгляд на брата.

- Ваше наказание, - начал, было, король, но осёкся, уловив выразительный взгляд Диего. Диего глазами показывал на свою одежду, тем самым давая понять, что нельзя наказывать человека, который отбывает тридцать три дня покаяния. Диего был прав, и осознание этой истины вызвало у короля новую волну раздражения. - Ваше наказание будет отложено. Но оно в полной мере настигнет вас по истечению срока покаяния. Вы, дон Диего, не только послушались меня, но и поставили в чрезвычайно неприятное положение, поскольку я уже обсуждал ваш брак с уважаемым мной семействами Энрикесов и герцога Лермы.

Диего молчал, но в душе испытывал настоящее злорадство. Его так и подмывало выразить сочувствие обеим семействам.

- Возможно, ваш брак всего лишь досадное недоразумение, - продолжал король к величайшему облегчению обеих семейств. - Мы со всем пристрастием разберёмся в ваших отношениях, и если будут найдены обстоятельства не приемлемые для такого союза, я сделаю всё для аннулирования брака. Вам понятны мои слова, дон Диего?

Диего снова покорно кивнул и снова повторил прежние слова:

- Да, ваше величество!
- Хорошо, - продолжал король, - и для начала нам необходимо удостовериться в том, что брак был заключён должным образом. И здесь мы обязаны задать очевидный для всех вопрос: Мы можем

доверять священнику, который венчал вас с Беатрис Байон?

– Да, ваше величество!

– Позвольте нам самим судить, Дон Диего. Кто этот священник? Назовите его имя?

– Епископ Максимилианно!

– Иисусе во Христе! – испуганно вырвалось у епископа Максимилианно. – Ваше величество...

– Замолчите, иначе клянусь Господом, я не посмотрю на ваш сан, – гневно прервал его король. – Как только у вашего преосвященства хватило дерзости обвенчать моего брата без моего согласия?! – король внезапно нахмурился и потёр лоб, словно что-то вспоминая. И он действительно вспомнил. – В прошлом году, когда я вас послал в Наварру за моим братом?! – гневно вскричал король обращаясь к несчастному епископу Максимилианно, который стоял ни жив ни мёртв от страха. – Тогда вы и обвенчали его?! Я приставил вас к Дону Диего в качестве духовного отца, а вы...вы использовали мою доброту самым недостойным образом.

– Прошу ваше величество, не судите строго моего духовного отца, – попросил Диего, обращаясь к королю, – он лишь уступил моим настойчивым просьбам. Вина целиком лежит на мне. Я и у вашего преосвященства прошу прощения, – Диего устремил многозначительный взгляд в сторону епископа Максимилианно и выразительно продолжил. – Но боюсь, уже ничего изменить нельзя. Любые попытки оправдаться лишь ухудшат ваше положение. Епископ Максимилианно бросил было гневный взгляд в сторону Диего, но заметив с какой угрозой смотрит на него король, быстро опустил голову. В планы Диего никак не входило наказание епископа, поэтому он сразу же бросился на его защиту.

– Его преосвященство не пожелал, чтобы меня венчал простой священник англичанин. А так бы случилось, если бы он отказался. Оттого и взвалил на себя столь тяжёлую ношу. Он так и сказал: «Моя вина

перед его величеством велика, но я не мог позволить, чтобы принца из великой королевской династии венчал протестантский священник».

– Вот как?! – приятно удивился король. Он наградил епископа Максимилианно почти доброжелательным взглядом. Вслед за королём, на епископа стали бросать точно такие же взгляды и присутствующие в зале знать. – Не могу не признать, что его преосвященство, – король бросил ещё один одобрительный взгляд в сторону епископа Максимилианно. – поступил весьма достойно, оказавшись в столь не простом положении. Ему пришлось выбирать между моим приказом и заботой о нашей семье. Этот выбор делает ему честь. А вот ваша вина, Дон Диего, становится неизмеримо больше. Мы определим для вас наказание, сразу после истечения срока покаяния.

– Я готов понести любое наказание! – со всей покорностью Диего склонил голову. В душе вся эта ситуация его только забавляла. Ближайший месяц, король ничего не мог предпринять. А потом, он забудет и эту свадьбу, и этот разговор.

Королева бросила на Диего ободряющий взгляд, а потом склонилась к королю и что-то зашептала ему на ухо. Диего внимательно наблюдал за выражением лица короля и понял, что вероятнее всего настоящего наказания и не последует.

– И это всё? – с разочарованием подумал Диего. – Всё так и закончится в этом зале? Мою шутку так никто и не оценит?

Король внимательно выслушал королеву, а потом, с самым благосклонным видом обратился к брату.

– Дон Диего...

Мне это спокойствие не нравится. Король просто обязан познакомиться со своей прелестной невесткой, – весело подумал Диего и сразу же бросился осуществлять свою затею.

– Я бы того не желал, вашего величество!

– Вы это о чём, дон Диего? – король нахмурился.

– О то же, что и ваше величество. Я бы не желал рассказывать о своей супруге...подробно.

– А кто вообще спрашивает ваше мнение? – королём овладело раздражение и он более не обращал внимания на королеву. – Вы прямо сейчас расскажете о ней всё. Кто она? Какое положение занимает семья вашей супруги?

– Она достаточно знатна...в своей деревне!

– Что это значит?

– В поисках ночлега, я набрёл на маленькую деревню. Мне посоветовали поискать ночлега у одной из самых знатных семейств этой деревни. Так я и познакомился с будущей женой. Пришёл на ферму её отца.

По одному взгляду на зал, король понял, что все присутствующие испытывают лёгкое потрясение от рассказа.

– На ферме познакомились? И что же вас так привлекло в этой Беатрис Байон до такой степени, что вы вопреки всему решили на ней жениться? – поинтересовался король.

– Красота, ваше величество!

– Так она настолько красива?

– Я имею в виду внутреннюю красоту, – словно невзначай уточнил Диего. – ту красоту, которой награждает людей Господь.

– Выразитесь яснее. Она красива или нет?

– У моей супруги...имеются некоторые физические изъяны, но она сполна награждена удивительной добротой и...

– Физические изъяны? Вы шутите?

– Нет, ваше величество. Должен признаться, что Беатрис Байон внешне выглядит не самым приятным образом, но она никак не заслуживает тех отвратительных эпитетов, которыми её награждают жители деревни.

– И как же её называют?

– Некоторые «дурнушкой», другие даже «уродиной». Смею заверить ваше величество, что эти эпитеты

имеют лишь небольшое сходство с моей супругой.
– Достаточно! – король встал и бросил грозный взгляд на брата. – Мы сами во всем разберёмся. Виновные будут наказаны, а брак при необходимости будет аннулирован. А в качестве первого шага, мы повелеваем немедленно доставить принцессу Астурийскую в Сантьяго-де-Компостелла.
– А я уже и не надеялся, – с облегчением думал Диего, провожая поклоном уход королевской четы. Перед тем как уйти, Диего не преминул выразить почтение семье Энрикесов. Он не ограничился одним приветствием. Диего поцеловал руку Беатрис и выразил сожаление по поводу своего семейного положения, да так громко, что его слова услышали все без исключения, включая семейство герцога Лерма.
Заметив торжествующую улыбку на губах Беатрис, Диего поклонился всему семейству Энрикесов и только потом, покинул зал, а вслед за ним и дворец.

Глава 7

Беатрис Байон

Самое время познакомиться с семейством Байон, которое проживало в городе Памплоне и духом не ведало о событиях, имевших место в Сантьяго де Компостелла.

Если говорить о сеньоре Джимене, почтенной дуэнье, которая повсюду сопровождала Беатрис Байон, так упрёка заслуживали разве что сами выражения, не позволительно грубые по отношению к любой женщине. В остальном, Диего ничуть не преувеличил в своих описаниях.

Дуэнье исполнилось пятьдесят лет. Это была высокая, худая женщина с очень острым носом и

втянутыми в лицо щеками. Настолько втянутыми, что на месте щёк у неё образовались две посеревшие воронки. Кроме того, она была полуслепа на правый глаз. Он открывался лишь наполовину, оттого и производил столь мрачное впечатление. К общему портрету следует добавить...растительность на верхней губе и подбородке. Издали эта растительность, весьма напоминала обожженные усы с бородой. Обожжённые, оттого, что волосы произрастали маленькими группами, как кустарники. Дуэнья слыла ревностной католичкой и днями напролёт строго охраняла свою юную воспитанницу от любого мужского внимания. Желających, вступить в более близкие отношения с Беатрис Байон хватало всегда, но каждого из них в равной степени ждало разочарование. Дуэнья становилась непреодолимой преградой для вожделенных любовников. И никакие уговоры, даже подарки, не могли преодолеть это препятствие.

Сама же Беатрис Байон, давно вступила в пору называемую «брачным возрастом», но в свои девятнадцать лет всё ещё не была замужем. Причиной тому являлось тщеславие отца, Бертрана Байон. Он с рвением достойным лучшего применения, хранил свою единственную красавицу дочь для брака с маркизом Вийю, одного из самых знатных и уважаемых людей в городе.

Маркиз Вийю, являлся отцом одиннадцати детей. Возраст старшего ребёнка приближался к тридцати годам. Ему самому исполнилось пятьдесят пять лет. Он почти на десять лет был старше самого Бертрана Байон, что ничуть не смущало последнего.

Не смущали Бертрана Байон и четыре женитьбы маркиза Вайю. Все четыре супруги умерли в браке. Последняя, четвёртая супруга маркиза, умерла спустя год после свадьбы, так и не родив ему детей. Произошло это год назад. Как только случилось это радостное событие, Бертран Байон незамедлительно принялся обхаживать маркиза Вийю.

После нескольких месяцев упорных уговоров, ему удалось добиться согласия маркиза. Удалось, благодаря неожиданной удаче. Маркиз Вийю загорелся желанием развести новую породу коров. Узнав об этом, Бертран Байон незамедлительно предложил свои услуги. Он готов был доставить пятьдесят голов этих коров из Кадиса в Памплону за свой личный счёт. Именно этот аргумент и сломил сопротивление маркиза Вийю. Все женщины для него имели одно лицо. Другое дело коровы, которые приносили много пользы. Венцом этих переговоров стал приезд маркиза Вийю в маленькое поместье Байон. Бертран Байон тут же представил жениха своей дочери. Маркиз Вийю долго и придиричиво осматривал Беатрис Байон со всех сторон. В конце осмотра, он с довольным видом обронил:

– Я не вижу в ней явных изъянов. Она красива и хороша сложена. Думаю, она родит мне здоровых детей.

На том представление и завершилось. Свадьбу договорились сыграть через две недели. Как только маркиз Вийю уехал, Беатрис опустилась на колени перед отцом и попросила избавить её от этого брака. В ответ, Бертран Байон замахал руками и гневно закричал на дочь.

– Слушать ничего не желаю. Ты станешь маркизой Вийю. А посмеешь ещё раз ко мне обратиться с такой просьбой, накажу тебя за непослушание. Жестоко накажу.

Беатрис проплакала почти весь день. До сегодняшнего дня, у неё ещё оставалась маленькая надежда. Но она рухнула, как только назначили день свадьбы. Ей придётся выйти замуж за маркиза.

Придётся...

Дуэнья как могла, пыталась утешить Беатрис, но без видимого успеха. Беатрис всё время повторяла, что такой брак для неё хуже смерти. Она чувствовала отвращение к маркизу Вийю и при одной мысли о близости с ним испытывала холодный ужас.

Ближе к вечеру, дуэнья отвела Беатрис в местную церковь. Лишь чудо могло спасти Беатрис от брака. И она молила Господа ниспослать это чудо. Беатрис просила Господь ниспослать ей страдания, боль, несчастья, а взамен избавить от брака с маркизом Вийо.

В эти мгновения, Беатрис даже представить не могла, что по направлению К Памплоне выдвинулся отряд из пятидесяти всадников возглавляемый графом Д'Энтибаль и две кареты с будущими фрейлинами принцессы. Весь этот кортеж предназначался для её препровождения в Сантьяго де Компостелла.

Диего лично проследил за отправкой кортежа. После этого и в самом прекрасном расположении духа он вернулся домой и здесь узрел разгневанное лицо епископа Максимилианно, который на момент его прихода нервно расхаживал по двору. Завидев Диего, епископ Максимилианно бросился к нему с криком:

– Богохульник! Нечестивец! Изменник! Лжец!

– Вы немного обижены, поэтому я прощаю вас за грубые слова, – весело ответил Диего. На самом деле, он и не думал обижаться. Поведение епископа его только раззадоривало.

– Обижен?! Да я убить тебя готов! – вне себя от гнева закричал епископ Максимилианно. – Мало того, что насмеялся над святостью брака, ты и меня вовлёл в свою ложь.

– А я ведь вас спрашивал насчёт обстоятельств. Вы ответили, что они никак не влияют на святость брака, – напомнил ему Диего.

– Да как ты смеешь сравнивать свою ложь со святостью брака?! Немедленно, Диего. Немедленно... отправляйся к его величеству и всё честно расскажи. Я требую справедливости... для себя, по меньшей мере...

– Ну и прекрасно, – отозвался Диего, – как только эта девица приедет, вы нас тайно обвенчаете. Ваша совесть будет чиста.

Лицо епископа Максимилианно удивлённо вытянулось.

– Ты действительно хочешь обвенчаться с этой Беатрис Байон?

– Нет. Пытаюсь вас успокоить. Я всю эту историю придумал для того, чтобы вообще не жениться. Продолжайте смиренно служить Богу, а мне позвольте жить в своё удовольствие. А поводу его величества, если желаете попасть в неприятное положение так сами и расскажите правду. Мне же больше по душе святость брака, как бы вы к ней не относились.

– Диего, ты не женат на этой женщине!

– Всего лишь маленькое недоразумение. Полагаю, на наши отношения с будущей супругой, оно никак не повлияет.

– Ты собираешься жить с ней во грехе?

– Боюсь, она не в моём вкусе.

– Тогда вообще не понятно для чего нужен весь этот обман?!

– Мне просто нравится чувствовать себя... женатым. Неужели вы не способны понять простые человеческие чувства? Неужели такое желание и вправду достойно порицания? Называя вас, я обращался за помощью к тому единственному человеку, который заслужил моё безграничное доверие. Вы его заслужили. Возможно, сами того не желая. Если так, то мне весьма прискорбно осознавать свою ошибку...в части касающегося моего доверия к вам, моему духовному отцу. Тяжёлая потеря...но ничего не поделаешь...

– Диего, я не верю ни единому твоему слову. И я не стану тебе помогать. Или ты женишься на этой женщине или я сам расскажу всю правду его величеству.

– Да простит вас господь за бессердечие! – Диего перекрестил епископа, чем вызвал у него новый приступ гнева.

– Не смей, Диего! Не смей! – закричал, было, епископ, но Диего не стал далее слушать и просто ушёл.

Епископ Максимилианно бросился на улицу, но Диего уже и след простыл.

– Подожди у меня! – епископ Максимилианно погрозил кулаком в пустое пространство.

На самом деле, епископ Максимилианно и понятия не имел, что делать дальше. Диего поставил его в безвыходное положение. Любое решение могло привести к тяжёлым последствиям. Если только ему не удастся обвенчать Диего с этой Беатрис Байон?! Именно это я и сделаю, – твёрдо решил епископ Максимилианно, – и пусть только посмеет воспротивиться...

К чести его преосвященства следует упомянуть о серьёзных сомнениях, которые владели им в момент принятия столь благочестивого решения. Он опасался непредвиденных последствий, ибо Диего любое благое дело мог превратить в шутку чреватую серьёзными последствиями.

Глава 8

Принцесса

Двумя неделями спустя, ранним утром, дуэнья вошла в опочивальню своей воспитанницы и застала её сидящей возле открытого окна. На постели лежало нетронутым свадебное платье.

– Пора, дитя моё. Сегодня, день твоей свадьбы. Скоро приедет жених.

Дуэнья подошла со спины и положила руку ей на плечо. Беатрис никак не отреагировала, ни на слова, ни на этот жест. Она смотрела вдаль, туда, где за горами расстилалась небесная синева. Ей хотелось уехать, исчезнуть, даже умереть, всё что угодно, но только не выходить замуж за маркиза.

– Беатрис! – окликнула её дуэнья.

– Почему Господь не слышит мои молитвы?! – печально промолвила в ответ Беатрис. – Почему не

избавит от столь ужасной участи? Нет, я не могу...не могу...это не в моих силах. Я не выйду замуж за маркиза!

По мере того как Беатрис говорила, её голос крепчал.

– Не вздумай послушаться отца! – испуганно предостерегла дуэнья.

– Я согласна на любое наказание, но этой свадьбы не будет!

Беатрис молча поднялась, подошла к постели, взяла свадебное платье и к ужасу дуэньи, выбросила его в окно. Дуэнья высунулась в окно в тот самый миг, когда платье плавно опустилось на воду и сразу же поплыло вниз по течению.

– Что ты наделала? – закричала дуэнья и сразу же бросилась вон из опочивальни.

Беатрис же встала у окна и скрестив руки на груди, стала ждать прихода отца. Она была полна решимости и не собиралась более уступать его приказам. Любое наказание лучше, чем этот ненавистный брак.

Тем временем, в поместье прибыл свадебный кортеж, состоящей из двуколки, на которой приехал сам жених и дюжины гостей, идущие пешком вслед за двуколкой.

Дорогих гостей встречал сам Бертран Байон. Он рассыпался в комплиментах по поводу красочного и весьма дорогого одеяния маркиза де Вийю, а так же его привлекательной внешности. Восхваление будущего зятя продолжалось ровно до той самой поры, пока из дома не донёсся вопль дуэньи:

– Платье! Ловите свадебное платье! Беатрис выбросила его в речку! Она не хочет выходить замуж!

– Да как она посмела?! – сразу же взревел Бертран Байон и тут же изо всех сил закричал. – Беатрис! Беатрис!

Беатрис не заставила себя ждать. Она вышла из дома и при всех заявила, что не выйдет замуж за маркиза.

Жених и гости выглядели крайне недовольными. Свадьба могла сорваться в любое мгновение. Бертран Байон схватил дочь за руку и подвёл её к маркизу Вийю.

– В платье или без него, ты выйдешь замуж за маркиза Вийю! – с отчётливой угрозой приказал он.

– Не выйду! – заявила Беатрис прямоком в лицо отцу и тут же обратилась напрямую к маркизу. – Вы мне просто отвратительны. Вы старый, мерзкий, скупой и ничтожный человек, который ценит корову превыше собственной супруги. Видимо, все ваши жёны скончались от унижения...

– Замолчи! – заревел Бертран Байон и размахнувшись, дал дочери пощёчину.

Беатрис пошатнулась и отступила, но потом вскинула ненавидящий взгляд на отца.

– Вы меня не заставите! Слышите?! Вы никогда не заставите меня выйти замуж!

Бертран Байон собирался снова обрушиться на дочь, но маркиз Вийю не позволил. Маркиз Вийю отстранил Бертрана Байон и сам подошёл к Беатрис. Он некоторое время сверлил её жёстким взглядом, а потом с откровенным злорадством бросил.

– Ваш отец дал согласие и отныне вашим воспитанием займусь я. Вы немедленно выйдите за меня замуж. И не вздумайте снова отказаться, иначе ваше положение в моём доме станет многим хуже чем у самой последней прислуги.

Беатрис побледнела, и отрицательно качая головой, отступила назад. Маркиз де Вийю вцепился в плечо Беатрис своими костлявыми пальцами и сжал так, что у неё на глазах выступили слёзы.

– Подчиняйтесь! – закричал он.

– Подчиняйся своему мужу, непокорная дочь! – закричал вслед за ней Бертран Байон.

Все, кто находился возле дома, окружили Беатрис и стали требовать, чтобы она подчинилась. Раз за разом Беатрис отказывалась. И с каждым отказом

давление на неё усиливалось и грозило перейти в настоящее избиение.

Никто из участников этой сцены, не заметил крупного отряда всадников, которые быстро приближались к поместью.

Но скоро, многочисленный конский топот уже невозможно было не услышать. Один за другим, участники свадьбы оборачивались, чтобы сразу же застыть как изваяние. Вид вооружённых всадников с королевскими штандартами их просто потряс. Такого здесь никогда и не видывали.

Всадники, один за другим, подъезжали к дому. Следом за ними вкатились и две кареты с королевскими гербами.

Один из всадников, приподнявшись в стремени, громко закричал:

– Я – граф Д'Энтибаль! Ищу женщину по имени Беатрис Байон. Мне указали на это место. Где я могу её найти?

Все отступили от Беатрис. Рядом с ней остались только отец и маркиз де Вийю, который всё ещё держал её за плечо.

Граф Д'Энтибаль спешился. Его взгляд остановился на Беатрис.

– Беатрис Байон?

Беатрис кивнула. Она была несказанно рада этому внезапному вмешательству, но даже близко не представляла, чем оно для неё обернётся.

Д'Энтибаль направился к Беатрис.

– Ваш отец? – он указал кивком на маркиза де Вийю. Беатрис отрицательно покачала головой, а потом кивком указала на отца.

– А кто он вам? Впрочем, неважно, – граф Д'Энтибаль схватил маркиза де Вийю за грудь и одним движением швырнул на землю, чтобы тут же предостеречь от подобных действий в дальнейшем. – Я вас убью, если посмеете ещё раз до неё дотронуться.

Маркиз де Вийю так и остался лежать на земле. Он стонал от боли, но никто, даже из его собственной свиты не посмел прийти на помощь из-за грозного облика графа Д'Энтибаль.

– Вас это тоже касается! – Д'Энтибаль устремил грозный взгляд на Бертрана Байон. – Ваша дочь вверена мне его лично его величеством, и я не позволю никаких вольностей по отношению к ней даже родному отцу. Вам всё понятно?

– Его величеством?! – Бертран Байон обомлел. Он едва ли не со страхом посмотрел на дочь.

Беатрис изобразила важный вид, хотя сама ничего не понимала. Более того, у неё появилось стойкое ощущение, что её по ошибке приняли за некую важную сеньору. Но если эта ошибка поможет избавиться от ненавистного брака...

– Мне приказано доставить ваше высочество к королевскому двору! – с поклоном сообщил граф Д'Энтибаль.

Вот этих слов Беатрис никак не ожидала.

– Вы ошиблись, граф, – как могла мягко ответила на это Беатрис, – и уж точно я не та сеньора, которую вы величаете «ваше высочество». Не знаю, кого вы ищите, но...

– Ваше имя Беатрис Байон?

– Да!

– Принцесса Астурийская?

– Нет! Я же говорю, вы ошиблись. Я совсем не та за кого вы меня принимаете.

– У меня самые точные сведения относительно вашего высочества. Вы состоите в тайном браке с братом его величества, принцем Астурийским. Можете больше не скрывать вашу тайну. Она известна всей Испании. Как бы то было, король хочет вас видеть.

Немедленно.

Эти слова ввергли в оцепенение всех, кто его слышал и в особенности свиту маркиза де Вийю. Сам маркиз мгновенно вскочил на ноги, подбежал к

Бертрану Байон, оттащил его в сторону и лихорадочно зашептал прямо в ухо.

– Молчите! Ради всего святого, молчите...если они узнают, что вы хотели меня женить на супруге принца Астурийского...нас обоих убьют сейчас или казнят потом. Не знаю, что хуже...

– Клянусь, я ничего не знал, – ответил на это Бертран Байон. Он был напуган не меньше самого маркиза.

– Молчите, молчите...а я незаметно уеду...

Беатрис молчала по причине того, что заметила переговоры отца и маркиза. Граф Д'Энтибаль ждал её ответа, а она следила за маркизом де Вийю. Как только он сел в двуколку из поместья, Беатрис свободно вздохнула. Она осознала, что свадьба больше не состоится. Оттого и настроение у неё значительно улучшилось. Беатрис едва ли не весело обратилась к графу Д'Энтибаль.

– У меня нет никакой тайны. И я совершенно точно не замужем за принцем Астурийским. Вам стоит поискать принцессу в другом месте. Я же вас от души благодарю. Сами того не зная, вы оказали мне огромную услугу.

– Значит ли это, что вы отказываетесь подчиниться приказу его величества? – с хмурым видом спросил граф Д'Энтибаль.

– Нет, нет, нет, она поедет, – Бертран Байон бросил умоляющий взгляд на дочь, прося тем самым не пререкаться с королевским посланником.

– Я никуда не поеду! – непререкаемым тоном заявила Беатрис. – Я не замужем вообще ни за кем. И не собираюсь становиться супругой принца Астурийского по причине того, что вы приняли меня за другую сеньору.

– Решение вашего высочества окончательно?

– Насчёт её высочества ничего сказать не могу. А моё решение останется неизменным. Я никуда не поеду!

– Сожалею, но у меня приказ доставить её
высочество принцессу Астурийскую к дворцу!

– Ну и выполняйте свой приказ. Я не собираюсь вам
препятствовать!

– Благодарю вас!

По знаку графа Д'Энтибаль, из кареты вышли шесть
женщин в изысканных платьях. Они тут же обступили
Беатрис.

– Это фрейлины вашего высочества. Они проследят и
при необходимости подготовят вас к отъезду и
встрече с его величеством.

– Какие ещё фрейлины? – возмутилась было Беатрис,
но фрейлины подхватили её под руки и буквально
занесли в дом.

– Вы, – взгляд графа Д'Энтибаль упёрся в Бертрана
Байон, – поедете вместе с нами. Его величество
приказал доставить ближайших родственников. Так
что, ваша супруга тоже поедет.

– У меня нет супруги. Мы живём скромно. Я, дочь,
её дуэнья и двое слуг.

– Тогда вы и дуэнья. Готовьтесь к отъезду. И
проследите, чтобы ваша дочь приготовилась к
отъезду. Проявите к ней ту степень почтения,
которая уместна лишь по отношению к членам
королевской семьи.

Раздражение Беатрис нарастало с каждым мгновением.
Никто её не слушал и судя по всему, слушать не
собирался. Она не сомневалась, что ошибка
раскроется и всё это королевское представительство
уберётся восвояси из дома. Но происходило в
точности наоборот. Едва ли не каждую минуту в её
опочивальню вносили маленькие и не очень сундучки.
В одних лежали украшения, в других роскошные
платья. Каждый такой сундучок вызывал новую волну
раздражения у Беатрис. Она прекрасно понимала, что
ничто из этих прекрасных вещей ей не принадлежит.
И считала, что её просто дразнят, показывая всё
это великолепие.

Но больше всего Беатрис раздражал подозрительный взгляд дуэньи.

– Не смей, Джимена. Не смей думать как все эти люди. Ты ведь целый день находишься рядом со мной и всё знаешь.

– Ночами ты всегда одна! – многозначительно заметила в ответ дуэнья.

– Ну что из того? Мои окна выходят на реку. Ты полагаешь, что я по ночам вплавь перебираюсь на другой берег, чтобы тайно выйти замуж?

– Как романтично, – с восторгом промолвила одна из фрейлин, которая в этот момент подбирала ожерелье для белого платья. – И не удивительно. Дон Диего того заслуживает.

– Так ты ещё и с доном Диего встречалась? – дуэнья растерянно смотрела на Беатрис. Той осталось лишь развести руками. Её определённо никто не слышал. Хуже того, все её слова принимали непонятное для неё значение. Лучше бы совсем молчать, – подумала Беатрис и в это мгновение снова услышала голос фрейлины.

– Это принц Астурийский. Все его называют «дон Диего». И вашему высочеству не стоит скрывать брак с принцем. Нам всё известно, – фрейлина бросила лукавый взгляд на Беатрис, чем снова привела её в раздражение.

– Удивительно просто. Мне ничего неизвестно, а вы всё знаете. Может и меня просветите насчёт моего же замужества?

Фрейлины засмеялись. Отвечала всё та же фрейлина, которая подбирала ожерелье для платья.

– Дон Диего признался, что влюбился в ваше высочество, и вы тайно обвенчались. Признался в присутствии его величества и всего двора. А его преосвященство епископ Максимилианно подтвердил, что это именно он вас венчал.

– Слухи. Не более.

– Я сама присутствовала на том событии и своими ушами всё слышала.

– А вы уверены, что он назвал моё имя?

– Уверена, ваше высочество!

Беатрис задумалась. Следовало разобраться в происходящем недоразумении. А как разобраться? Обратиться к этому принцу Астурийскому. Он-то должен помнить на ком женился.

– Как я могу встретиться с...принцем Астурийским? – вопрос Беатрис вызвал лёгкий смех у фрейлин.

– Придётся подождать прибытия в Сантьяго де Компостела. Дон Диего предаётся там покаянию. Он очень набожен. Но к приезду вашего высочества, срок покаяния завершится, и вы сможете встретиться со своим супругом.

– Не могли вы все перестать называть меня «ваше высочество»? – попросила Беатрис.

В этот миг, на пороге двери появилась фигура отца. Он подошёл к дочери и степенно поклонился:

– Ваше высочество!

Эти слова переполнили чашу терпения Беатрис.

– Я не «ваше высочество»! – гневно закричала Беатрис, обращаясь сразу ко всем. – Я не имею никакого отношения к принцу Астурийского. Или вы полагаете, что я собственную свадьбу не помню? Более я не намерена терпеть это безумие. Вы сейчас заберёте все эти платья, украшения и отправитесь искать вашу принцессу Астурийскую...где бы она не находилась. Вам понятно? – Беатрис обвела всех грозным взглядом, и высоко подняв голову, направилась к двери.

За дверь её ждал неприятный сюрприз в виду двух вооружённых людей.

Беатрис принуждена была вернуться назад.

– Мне придётся играть в эту глупую комедию, но ненадолго, – гневно заявила Беатрис. – Так или иначе, я встречу с принцем Астурийским. Он подтвердит, что между нами нет супружеских отношений.

Глава 9

Где упоминается о преждевременном веселье